

РУДНЕВ М.А.

УДК 94(47) «1825/1861» + 821.161.1.09

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ: Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

На основі аналізу літературознавчо-публіцистичних праць М.Г. Чернишевського і Аполлона Григор'єва розглядається початковий етап формування дискурсивних засад історіографії російського консерватизму епохи правління Миколи I.

Ключові слова: дискурс, історіографія, російський консерватизм, николаєвська епоха, М.Г. Чернишевський, Аполлон Григор'єв.

На материале историко-литературных публицистических работ Н.Г. Чернышевского и Аполлона Григорьева рассматривается начальный этап формирования дискурсивных основ историографии русского консерватизма эпохи правления Николая I.

Ключевые слова: дискурс, историография, русский консерватизм, николаевская эпоха, Н.Г. Чернышевский, Аполлон Григорьев.

The article describes the formation of the discursive foundations of the study of the Russian conservative thought in the period of the Nicolas I reign on the materials of the N.G. Chernyshevsky's and Apollon Grigoriev's journalistic works dealing with the history of the Russian literature.

Key words: discourse, historiography, Russian conservatism, period of the Nicolas I reign, N.G. Chernyshevsky, Apollon Grigoriev

Один из самых продолжительных и внешне благополучных (с точки зрения таких очевидных признаков практического успеха любой идеологии, как фактическое обретение ею государственного статуса и максимальный уровень популярности в среде тогдашней элиты и значительной части «образованного общества») этапов исторического бытия русского консерватизма приходится на эпоху правления Николая I (1825-1855 гг.).

Современный неангажированный исследователь, вступая в профессиональное соприкосновение с этим периодом истории России, должен учитывать крайнюю мифологизированность его общераспространенного литературно-

публицистического и историографического образа, сформировавшегося в результате целенаправленных соединенных усилий либерально-западнических, леворадикальных, советских и, наконец, зарубежных авторов. В настоящем проблемно-историографическом исследовании был бы излишним сколько-нибудь подробный разговор о гипертрофированном негативизме и, по сути, символическом характере данного образа. С нашей точки зрения, самая емкая и адекватная характеристика либерально-радикального и советского подходов к николаевскому царствованию была дана в обзорной статье Б.Н. Тарасова «Рыцарь самодержавия. Черты правления Николая I»,

опубликованной в виде вступления к двухтомному сборнику материалов «Николай Первый и его время» (М., 2000) и сочетающей в себе черты откровенной апологии (что обусловлено авторской сверхзадачей) и многомерного объективного анализа: «Его правление принято обычно называть периодом мрачной реакции и безнадежного застоя, когда повсюду водворялись деспотический произвол, казарменный порядок и кладбищенская тишина... Категорические приговоры Николаю I и огульное осуждение целого царствования заставляли всякого рода «силлогистов» сокращать огромное количество фактов, дававших материал для совершенно иных, положительных умозаключений» [3, с. 5].

В этой связи более чем красноречивым представляется тот факт, что несомненный приоритет в ряду первых историков русской общественной мысли принадлежит левому радикалу А.И. Герцену как автору историко-публицистической работы «О развитии революционных идей в России» (впервые опубликована в 1851 г. на французском и немецком языках). В этой книге, совместившей в себе черты страстного революционного памфлета и историософского трактата, наряду с отраженной в заглавии ее ключевой темой, присутствуют эпизодические, но очень яркие и значимые в идейно-концептуальном отношении характеристики идеологических аспектов политики Екатерины II и Николая I, литературно-публицистического творчества Н.М. Карамзина и Н.В. Гоголя, журналистской деятельности Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча и О.И. Сенковского – т.е. тех феноменов социально-политической истории послепетровской России и представителей ее духовной культуры, которые традиционно идентифицируются как выразители консервативной идеологии и факторы ее практического воплощения. Общественной мысли николаевской эпохи непосредственно посвящены V («Литература и общественное мнение после

14 декабря 1825 года») и VI («Московский панславизм и русский европеизм») главы герценовского труда.

Однако в целом, несмотря на его неоспоримый статус первого обзорного исследования истории русской общественной мысли и ее консервативного направления в частности, в освещении и трактовке А.И. Герценом консервативной идеологии и «практики» времен правления Николая I самым очевидным образом преобладают черты революционной публицистики памфлетного характера – вплоть до злободневной заочной полемики с ее основными представителями и идейными постулатами. Достаточно вспомнить о том, что книга «О развитии революционных идей в России» была издана в 1851 г., т.е. в период «мрачного семилетия» николаевского царствования, за четыре года до конца интересующей нас исторической эпохи.

Именно поэтому, с нашей точки зрения, роль полноценной «дискурсивной прелюдии» к рассматриваемой историографической традиции следует отнести фундаментальной работе Н.Г. Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы», впервые публиковавшейся в журнале «Современник» с декабря 1855 г. до конца 1856 г. Названная работа представляет собой подробнейший историко-публицистический обзор литературной критики 1830 – первой половины 1850-х гг., центральной сюжетной линией которого является восприятие ее представителями творчества Н.В. Гоголя

Для историографа русской общественной мысли исключительно важное значение имеет подробная «методологическая» оговорка Н.Г. Чернышевского о том, что, переходя к разговору о «деятельности барона Брамбеуса [О.И. Сенковского – М.Р.] и г. Шевырева», он не руководствуется «ничем иным, кроме исторического интереса» [4, с. 76]. Будущий идеолог левого радикализма следующим образом аргументирует свою

позицию: «Хотя оба эти писателя не покинули литературного поприща, но их влияние на литературу и на публику принадлежит времени, уже прошедшему, и литературные отношения настоящего уже не должны иметь влияния на суждения об этих писателях...» [4, с. 76]. Н.Г. Чернышевский решительно заявляет о неприменимости своих оценок творчества С.П. Шевырева и О.И. Сенковского к актуальным проблемам тогдашнего литературно-идейного противостояния, утверждая тем самым «историзм» и рефлексивный характер соответствующего сюжета своих «Очерков...» и значительно облегчая непростую задачу по идентификации его трактата как факта предыстории историографического осмысления консервативной мысли николаевской эпохи: «То, что мы должны будем говорить о писателях, некогда господствовавших в критическом отделе «Библиотеки для чтения» и «Москвитянина», нимало не относится и не может быть применимо к характеру этих журналов в настоящее время» [4, с. 44].

В этой связи представляется необходимым дать специальное пояснение тому обстоятельству, что за хронологическими и сюжетными рамками нашего исследования оказались работы В.Г. Белинского, имевшие самое устойчивое и долговременное идейно-концептуальное воздействие на общественное мнение и гуманитарную науку (в лице влиятельных либерально-западнических и леворадикальных кругов) и обретших по сути «государственный статус» в советском научном официозе. В данном случае мы исходим из того очевидного и неоспоримого факта, что оценки и выводы «неистового Виссариона», имеющие непосредственное отношение к интересующей нас проблематике, представляют собой творческие акты «прямой» двусторонней полемики с консервативными мыслителями (с Н.В. Гоголем, а также с С.П. Шевыревым и другими авторами журнала

«Москвитянин») и поэтому никоим образом не могут быть причислены к историографической традиции.

По собственным словам Н.Г. Чернышевского, он ставил целью дать характеристику «той роли, какую играли некогда барон Брамбеус и г.Шевырев» [4, с. 44], однако в первом случае ограничился эстетическими и моральными оценками литературно-публицистической деятельности О.И. Сенковского, выходящими за рамки наших исследовательских интересов. Несравненно большее значение для историографа общественной мысли имеет обращение автора «Очерков гоголевского периода» к фигуре С.П. Шевырева, и в первую очередь – его «новаторская» для того времени попытка размежевать «образ понятий» последнего с учением славянофилов. Аргументируя свою позицию, Н.Г. Чернышевский решительно заявляет: «Мы не знаем, много или мало соответствия с своим образом мыслей находят славянофилы в мнениях г. Погодина; но, во всяком случае, это мнения отдельного человека, а не целой школы. Что же касается мнений г. Шевырева, не подлежит сомнению, что гг. Аксаковы, Киреевские, Хомяковне считают г. Шевырева своим. Из этих слов очевидно, что мы не находим особенной близости в характере понятий гг. Шевырева и Погодина [! – М.Р.], а еще менее возможным считаем присоединять г. Шевырева к славянофилам, и что из нашей характеристики образа понятий г. Шевырева не должно выводиться никаких суждений ни о г. Погодине, ни тем более о славянофилах» [4, с. 77].

Для того, чтобы в полной мере оценить новаторство этого тезиса Н.Г. Чернышевского, достаточно вспомнить, что на момент публикации его «Очерков гоголевского периода» (1855-1856 гг.) представители леворадикального и либерально-западнического лагерей исходили из аксиоматичности для них постулата о полном тождестве идейных

позиций М.П. Погодина и С.П. Шевырева с одной стороны и «отцов-основателей» славянофильства (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков) – с другой. Впервые подобный постулат был проартикулирован в 1842 г. в памфлетной статье В.Г. Белинского «Педант», представляющей собой ответную «реплику» на критическую работу С.П. Шевырева «Взгляд на современное направление русской литературы», опубликованную в январском номере «Москвитянина» за 1842 г. и содержавшую острые выпады идейного и личного характера в адрес «неистового Виссариона». Р.В. Иванов-Разумник именно указанный обмен полемическими ударами считал исходной точкой «надолго затянувшейся войны» между западниками и славянофилами и даже причину окончательного разрыва между двумя «этими враждебными партиями» [2, с. 746]. Следует особо отметить констатацию леворадикальным историком общественной мысли того факта, что его идейные предшественники «уже гораздо позднее увидели необходимость различать прогрессивное во многом славянофильство от реакционного национализма Погодина и Шевырева» [2, с. 746]. «Впервые эту разницу отметил в 50-х годах Чернышевский, - указывает Р.В. Иванов-Разумник. – В 40-х же годах, в эпоху Белинского, оба эти направления смешивались отчасти по вине и самих славянофилов» [2, с. 746].

Возвращаясь к историко-литературному трактату Н.Г. Чернышевского, можно обнаружить в нем очевидный полемический выпад, направленный против односторонней недифференцированной трактовки феномена «славянофильства» петербургскими западниками 1840-х гг.: «Кто знаком с славянофилами только по полемике, которую некогда вели петербургские журналы против старого «Москвитянина», тот их не знает» [4, с. 116]. (Имя В.Г. Белинского, которое первым приходит на ум при чтении этой

полемической реплики, очевидно, не было названо «вслух» по причинам «партийного» и этического характера).

Признавая недостаточность своего «отрицательного указания» на несходство общественно-политических взглядов М.П. Погодина, С.П. Шевырева и славянофилов, автор «Очерков гоголевского периода...» ставил своей целью «точнее определить» отмеченное им различие в «литературном характере двух редакторов старого «Москвитянина» [4, с. 77]. Поскольку М.П. Погодин «не принимал на себя роли критика художественных произведений», то Н.Г. Чернышевский кратко характеризует его индивидуальный «слог» и научные заслуги. Профессиональный интерес историографа общественно-политической мысли вызывает неожиданно высокая итоговая оценка будущим вождем «революционной демократии» творческой деятельности и даже личных качеств своего стопроцентного идейного антагониста, одного из столпов консервативной мысли николаевской эпохи: «Та же справедливость требует сказать... что он защитник просвещения и что как бы ни казались нам странны некоторые его мнения, но никто не может и назвать его обскурантом. Этого достаточно, чтобы вынудить у каждого здравомыслящего человека сочувствие к нему во многих случаях и во всяком случае обеспечить ему право на уважение» [4, с. 115-116].

Что касается С.П. Шевырева, то он, по мнению Н.Г. Чернышевского, «сам отчасти подавал... повод» к тому, чтобы его считали «за славянофила», «очень часто или, лучше сказать, постоянно, в каждой статье своей, развивая три или четыре темы, по-видимому, сходные с мыслями славянофилов» [4, с. 87]. «Из этих трех, четырех тем самую любимую было так называемое... «гниение Запада», - отмечает Н.Г. Чернышевский» [4, с. 87].

Тем не менее, отталкиваясь от резкого полемического выпада С.П. Шевырева против духовно-интеллектуального «германофильства»

славянофилов и их апологетического подхода к русской общине и к общинному началу в целом, автор «Очерков гоголевского периода...» решительно заявляет: «После этого, конечно, никто будет смешивать г. Шевырева с славянофилами... Мы можем сказать только одно: г. Шевырев мыслитель своеобразный» [4, с. 129]. Развивая свой тезис, Н.Г. Чернышевский называет С.П. Шевырева «главой особенной школы в нашей литературе» (несомненно, вкладывая в это понятие в том числе идеологический смысл), объединявшей, согласно его весьма умозрительной конструкции, таких «второстепенных писателей», как М.А. Дмитриев, Н.Д. Иванчин-Писарев, А.С. Стурдза (чья сколько-нибудь заметная деятельность в качестве теоретика и «практика» охранительства приходится на предшествующую, александровскую эпоху) и сотрудник «Москвитянина» А. Студитский. Всех этих мало схожих между собой литераторов, в той или иной мере приверженных консервативным взглядам (вполне вероятно, что автор «Очерков гоголевского периода...» не знал об активном личном неприятии М.А. Дмитриевым политического режима Николая I), он с очевидным сарказмом причисляет к «достоинным сподвижникам г. Шевырева». По мнению Н.Г. Чернышевского, эта «совершенно особенная школа» принадлежала «исключительно Москве», но ее «мнения... имели большое родство с учениями петербургского журнала «Маяк» [4, с. 156]. Подобный вывод автора «Очерков гоголевского периода...» свидетельствует о том, что «школа Шевырева» помещалась им на самом крайнем фланге тогдашнего охранительства.

Завершая разговор об историко-литературном трактате Н.Г. Чернышевского, следует отметить, что главным итогом его обращает внимание к интересующей нас проблематике стало решительное и во многом «необратимое» разграничение славянофильства и «системного» консерватизма николаевской эпохи,

олицетворяемого фигурами М.П. Погодина и С.П. Шевырева. Однако в целом его экскурс в историю общественной мысли 1840 – начала 1850-х гг. играет хотя и концептуально важную, но все же эпизодическую роль побочной сюжетной линии в общих тематических рамках «Очерков...», посвященных литературной критике «гоголевского периода».

Следующей знаменательной вехой процесса научно-публицистического осмысления идеологии консерватизма николаевской эпохи стал историко-памфлетный очерк А.А. Григорьева под говорящим заглавием «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия», опубликованный в издаваемом братьями Ф.М. и М.М. Достоевскими журнале «Время» (1861, № 5). Данная статья представляет собой очередную (четвертую) публикацию из цикла работ под общим названием «Развитие народности в нашей литературе со смерти Пушкина», в значительной мере посвященных истории возникновения, развития и, наконец, «полного и на время исключительного торжества» т.н. «отрицательного взгляда в литературе», согласно авторской концепции, нашедшего свое наиболее полное воплощение в творчестве и идейном наследии В.Г. Белинского.

Одним из решающих факторов отмеченного им торжества литературных «отрицателей» А.А. Григорьев считал духовную и интеллектуальную «нищету» их оппонентов-ретроградов или, следуя его формулировке, «ярьость застоя, бессильную и смешную в проявлениях» [1, с. 311]. Как самое выразительное и одиозное из этих проявлений он рассматривает деятельность главного рупора охранительного «мракобесия» николаевской эпохи журнала «Маяк» («Маяк современного просвещения и образованности»), издававшегося в 1840-1845 гг. С.А. Бурачком. Именно этот орган печати, прекративший свое существование за 16 лет до написания памфлетной статьи А.А. Григорьева, стал основным предметом

его критического внимания. Правда, на страницах этой статьи фигурирует также ультраконсервативная традиционалистская газета В.И. Асоченского «Домашняя беседа», выходившая с 1858 г., - однако лишь в качестве «живого» подтверждения факта неуклонной деградации радикального охранительства, «последовательнейшего развития мрачной теории, которой зерно лежало, однако, в «Маяке» с самого начала этого издания...» [1, с. 283].

Как и в случае с «Очерками гоголевского периода...» Н.Г. Чернышевского, отмеченная хронологическая дистанция между временем выхода журнала «Маяк» и появлением в печати григорьевской статьи, которая позволяла ее автору рассматривать (и беспощадно осуждать) «направление» его издателя и авторского коллектива как «состоявшийся» историко-литературный феномен, дает нам право причислять «Оппозицию застоя...» к историографической традиции исследования русского консерватизма.

Примечательно, что А.А. Григорьев исчерпывающе полно охарактеризовал исходную «методологическую» позицию своей работы: «Маяк для нас уже теперь – история. Мы можем подойти к нему, как ко всякому явлению, без страха и вражды» [1, с. 283]. Справедливости ради стоит заметить, что А.А. Григорьеву – в том числе по вполне объективной причине, связанной с памфлетным жанром его статьи, - не удалось во всем и до конца следовать заявленному им объективно-историческому подходу к радикальному охранительству дореформенной эпохи и прежде всего – взглянуть на него «без вражды». Об этом, на наш взгляд, в первую очередь говорит обличительная терминология «Оппозиции застоя», отразившаяся уже в ее заглавии. Кстати, данные А.А. Григорьевым необходимые терминологические пояснения также выдержаны в жестких тонах историко-литературного памфлета: «Оппозицию эту [по отношению к

«отрицательному взгляду» единомышленников и последователей В.Г. Белинского – М.Р.] я назвал оппозицией застоя и попытку исторического анализа ее – чертами из истории мракобесия. Она была действительно такою в «Маяке», потому что он и опирался на одну действительность застоя и сам сочинял новую по такому же образцу, ослепленно враждуя со всеми живыми силами жизни до того, что под конец все живое провозгласил погибельным...» [1, с. 286]. Более того, черты «оппозиции застоя» А.А. Григорьев обнаруживает и в идейном направлении погодинского «Москвитянина», роль признанного лидера «молодой редакции» которого он сам вместе с А.Н. Островским играл в последние годы существования этого журнала (1850-1856 гг.).

Для историка общественной мысли наибольший интерес представляет выводимая А.А. Григорьевым идейная «родословная» радикальных охранителей 1840-х гг. в лице авторов «Маяка»: «Маяк» был ни более ни менее как прямой наследник направления Шишкова, с одной стороны, и продолжатель лабзинского «Сионского вестника» [журнал, выходивший в 1806 и в 1817-1818 гг. и отражавший взгляды консервативных масонских кругов – М.Р.] – с другой. Стало быть, он слагался из двух элементов, которые можно назвать: один – мистицизмом, другой – петербургским национализмом» [1, с. 283]. Развивая свою «генеалогию», А.А. Григорьев характеризует программную идею «Маяка» как «чистый шишковизм», а сам журнал С.А. Бурачка как «чистый орган шишковизма или петербургского славянофильства», представлявшего собой совершенно иное явление, чем «московское» славянофильство А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и братьев Аксаковых.

Еще больший профессиональный интерес у историографа общественной мысли вызывает предложенная А.А. Григорьевым классификация «журнального» консерватизма николаевской

эпохи. Так, наряду с главным предметом своего критического внимания – тем «направлением», которое «наследовало потерянное дело Шишкова и замкнулось в «Маяке», он выделяет другую разновидность охранительной мысли, «породившую» «Москвитянин» первой эпохи [до прихода «молодой редакции» в 1850 г. – М.Р.], так много мешавший «Москвитянину» пятидесятых годов, мешавший и самому редактору [М.П. Погодину – М.Р.] в его бесспорно передовых идеях...» [1, с. 285].

Кроме того, как решительно утверждал А.А. Григорьев, «ни то, ни другое направление не было славянофильство», а сходство последнего с обеими названными разновидностями охранительства было «только видимое» [1, с. 285]. По словам бывшего лидера «молодой редакции» «Москвитянина», «славянофильство никогда не мирилось с существующим» и «не прилагало своих строгих принципов к первой попавшейся действительности...» [1, с. 285].

Среди памфлетных оценок и характеристик особую концептуальную значимость и живой «методологический» интерес для современного исследователя представляет присутствующее в григорьевской статье противопоставление «застоя» и «консерватизма»: «Отличительное свойство этого направления [«петербургского национализма» в лице журнала «Маяк» - М.Р.] было отрицательное отношение к всему современному, стремление насильственно удержать старое – одним словом, не консерватизм, а чистый застой» [1, с. 294].

Эта характеристика однозначно свидетельствует о том, что А.А. Григорьев признавал за консерватизмом творческое начало и способность к необходимому самообновлению. Что касается столь активно используемого им термина «застой», то его можно рассматривать как очевидный аналог гораздо более привычного для нас понятия «реакционность». К сожалению, желая конкретизировать

намеченную им бинарную оппозицию «консерватизм–застой», он лишь умножил свои памфлетные выпады в адрес радикального охранительства 1840-х годов: «Застой этот, старчески бессильный, призывает к себе на помощь принципы весьма важные и существенные, но и самые принципы, профанируемые с самого начала приложением на защиту застойной тины, постепенно профанировались все более и более...» [1, с. 294].

Свой критический обзор «истории мракобесия» 1840-х годов А.А. Григорьев завершает подчеркнуто обличительным, но в целом исторически справедливым выводом о его полном фиаско в духовном и интеллектуальном противоборстве с «отрицательным взглядом» и, более того, о невольном содействии радикальных охранителей из «Маяка» торжеству их непримиримых идейных противников: «...ярость застоя, бессильная и смешная в проявлениях, содействовала к полному и на время исключительному торжеству отрицательного взгляда, наглядно показывая своим бессилием его силы. Ибо за отрицательный взгляд были в то время жизнь и литература» [1, с. 311].

Значение научно-публицистических статей Н.Г. Чернышевского и А.А. Григорьева для становления и дальнейшего развития историографии русского консерватизма трудно переоценить. Опубликованные на рубеже двух исторических эпох (правления Николая I и периода Великих реформ 1860-х гг.) эти историко-литературные работы, совместившие в себе черты ретроспективного анализа и, в меньшей мере, - злободневной направленной публицистики, и значительно опередившие появление первых научных работ по истории литературы и общественной мысли второй четверти XIX в., впервые внесли в интересующее нас явление (консервативный лагерь николаевской эпохи или, точнее, его будущий историографический образ) элементы

дифференциации по идеологическому (степень радикальности и официозности), а также, в некоторой степени, по морально-эстетическому признаку.

Библиографические ссылки

1. Григорьев А.А. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия / А.А. Григорьев // Григорьев А.А. Эстетика и критика / А.А. Григорьев – М., 1980. – С. 275-311.
2. Иванов-Разумник, Р.В. Белинский / Р.В. Иванов-Разумник // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрон (в 12 томах). Биографии / Отв. ред. В.М. Карев, М.Н. Хитров. – М., 1992. – Т. 2. – С. 739-750.
3. Тарасов Б.Н. Рьцарь самодержавия (черты правления Николая I) / Б.Н. Тарасов // Николай Первый и его время / Сост. Б.Н. Тарасов. – М., 2000. – Т. 1. – С. 3-56.
4. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы / Н.Г. Чернышевский // Полн. собр. соч. в 15 т. – М., 1947. – Т. 3. – С. 5-309.